

18+

Алекс Ст★р

**ПЫШКА**

**НА ПЕРЕВОСПИТАНИИ**

*У* **КАВКАЗСКОГО**

**СВЁКРА**

Алекс Стар

**Пышка на перевоспитании  
у кавказского свёкра**

«Автор»

2026

## **Стар А.**

Пышка на перевоспитании у кавказского свёкра / А. Стар —  
«Автор», 2026

— Далеко собралась, красавица? — я узнаю этот голос. Голос своего свёкра, Сулеймана Алиева, когда он снимает с моей головы мешок — Вы не имеете права! Я не ваша собственность! Не ваша и вашего сына! — яростно кричу я ему в лицо, пока огромный внедорожник увозит нас прочь. В ночь. — Это ты моим баранам расскажешь, на горе, — ухмыляется хищно Сулейман. Мой муж сказал своему отцу, что я избалованная городская девчонка, которая не хочет рожать ему наследников, и мой свёкр решил взяться лично за моё перевоспитание...

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| 1                                 | 6  |
| 2                                 | 8  |
| 3                                 | 10 |
| 4                                 | 13 |
| 5                                 | 16 |
| 6                                 | 19 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# **Алекс Стар**

## **Пышка на перевоспитании у кавказского свёкра**

### **Пролог**

— Далеко собралась, красавица? — я узнаю этот голос.

Голос своего свёкра, Сулеймана Алиева, когда он снимает с моей головы мешок...

— Вы не имеете права! Я не ваша собственность! Не ваша и вашего сына! — яростно кричу я ему в лицо, пока огромный внедорожник увозит нас прочь. В ночь.

Из Москвы.

— Это ты моим баранам расскажешь, на горе, — ухмыляется хищно Сулейман, и его белоснежные зубы сверкают в темноте салона...

# 1

— Да, да, да! Но! Вперёд! — слышу дикий крик своего мужа, Ибрагима, как только открываю дверь своим ключом.

Сегодня нас отпустили с лекций пораньше, и я решила порадовать своего любимого мужа. Купила ему торт и красное вино, с его родины. Как он любит.

Вино с виноградников Сулеймана Алиева — его отца и моего свёкра.

Дикий вой Ибрагима разносится по всей нашей квартире, и я вся краснею: так он дико кричит, только когда занимается со мной любовью... Как молодую непослушную кобылку объезжает... Сам мне об этом рассказывал, и сейчас я осторожно иду в нашу спальню: мало ли чем занимаются мужчины, когда остаются в доме одни...

Сулейман такой горячий, как огненный чебурек, который только что достали из кипящего масла, и долго он без секса не выдерживает...

Неужели и сейчас не смог дождаться, когда я вернусь с лекций?

Заглядываю в нашу отделанную розовым атласом и бархатом спальню, и торт валится у меня из рук. А вино вдребезги разбивается, заливая сладкой виноградной кровью свёкра Алиева дорожный иранский ковёр.

Который мой же свёкр и подарил нам на свадьбу...

Прямо на нашей кровати стоит раком, отключившись, какая-то тощая мымра, а мой ненаглядный Ибрагим долбит её сзади, издавая свои бешеные вопли:

— Да, да, да! Но! Вперёд!

Сделала сюрприз...

— Ляля? — оборачивается на шум мой мужёк, отпихивая девку от себя прочь.

Вот и закончилась моя счастливая семейная жизнь...

Впереди — развод и одинокая старость. А ведь мне всего лишь девятнадцать!

Я сижу на кухне и вся сотрясаюсь от рыданий. В коридоре хлопает входная дверь: видимо, Ибрагим выпроводил свою тощую швабру из дома.

Входит на кухню, как ни в чём ни бывало, открывает холодильник:

— Что сегодня на ужин? — и алая пелена застилает мне глаза.

Я вскакиваю на ноги, хватаю первое, что мне попадается в руки — это оказывается поварёшка, и несусь на своего суженого, мечтая только об одном — мести.

Смерти и мести.

Но он ловко уворачивается, и вот уже я стою прижатая к стенке его стальными руками, и два чёрных бездонных глаза сверлят меня:

— Что ты задумала, Ляля? Забыла, что ты моя жена? Кто твой хозяин? Твоё дело — рожать мне детей и готовить вкусную еду. А самой — жрать поменьше.

Я сжимаю поварёшку в руке так, что костяшки пальцев белеют. Слышу, как бешено колотится моё сердце — кажется, ещё немного, и оно разорвётся прямо здесь, на этой сверкающей хромом кухне, которая ещё утром казалась мне самой счастливой на свете.

— Жрать поменьше? — мой голос срывается в истеричный шёпот. — Ты же сам... Ты меня такой полюбил! Ты же говорил, что мои формы — это...

— Мало ли что я говорил, — перебивает он меня с такой ленивой брезгливостью, что у меня перехватывает дыхание. Ибрагим отбирает у меня поварёшку и швыряет её в раковину с такой силой, что звон металла ударяет по ушам. — Тогда ты была сочным персиком, а сейчас расплзлась, как квашня на дрожжах. Ты в зеркало на себя вообще смотрела, Ляля? Посмотри,

что ты сделала с собой за этот год. А я — Алиев. Мне наследник нужен, а не... — он обводит мою фигуру уничижительным жестом, и его черные глаза, которые я когда-то сравнивала с южным ночным небом, сейчас смотрят на меня как на липкое пятно на его итальянском костюме.

Я стою, прижатая к стене, и чувствую, как дорогие обои в мелкий венецианский цветок впиваются мне в спину. Он возвышается надо мной — высокий, поджарый, источающий опасную, животную грацию хищника, который только что сытно поел и теперь играет со своей жертвой прежде, чем перегрызть ей горло. От него пахнет чужими духами — дешёвыми, приторными, как химическая ваниль, и моим собственным гелем для душа.

— Твоя работа — рожать мне сыновей и быть украшением моего дома, — чеканит он каждое слово, наклонившись к самому моему уху. Его дыхание обжигает мне шею, и моё предательское тело покрывается мурашками, потому что даже сейчас, даже после того, что я видела своими глазами, оно помнит его руки. — А как мне делать с тобой сыновей, если на тебя без содрогания не взглянешь?

Его жестокие слова падают как камень на наши мраморные полы, и я чувствую, как внутри меня что-то ломается. Не сердце — нет. Ломается тот наивный, счастливый образ нашей жизни, который я так старательно выстраивала в своей голове. Образ, в котором черно-волосый мажор Ибрагим Алиев, самый завидный парень всего университета, на первом курсе не мог отвести глаз от дерзкой пышной хохотушки с юридического. Как он караулил меня после пар, заваливал розами, ревновал к каждому встречному, а однажды, прижав в темном коридоре общежития, жарко прошептал: «Ты — моя. Вся, от макушки до этих бёдер, которыми я брежу уже полгода. Я с ума по тебе схожу, Ляля. Хочешь — на колени встану?» И встал ведь. Прямо там, на пыльном полу, обхватив мои бёдра своими большими ладонями, сминая пальцами пышную плоть, и смотрел снизу вверх с такой голодной, жадной мольбой, что у меня подкосились колени. Он тогда еле дождался свадьбы — да я и сама еле дождалась, но всё-таки потерпела до нашей первой ночи, к которой берегла всё своё пышное богатство.

И вот теперь — «разожралась» и «квашня».

Слезы душат, я стою у плиты, открываю крышку кастрюли. Оттуда поднимается горячий, пряный пар от бульона — его любимый бешбармак должен быть идеальным.

Сейчас я режу лук, и это хорошее прикрытие для моих слёз. Острый нож ходит ходуном в пальцах, слоёное тесто для бешбармака уже нарезано аккуратными ромбиками, а жирная баранина томилаась с самого утра, наполняя квартиру запахом специй и зиры. Ибрагим обожает, когда я готовлю это блюдо.

Слеза срывается с ресниц и падает прямо в кастрюлю — крошечная солёная капля в целом море кипящего жира. Я смотрю на золотистую поверхность бульона, и в голове моей зреет план.

Он хочет видеть во мне покорную жену? Будет ему покорная жена.

Бешбармак будет таким жирным, наваристым и обильным, что даже его кавказский желудок запросит пощады и сладкого сна. Я добавлю туда лучшие куски мяса и двойную порцию лапши, которая тяжелым камнем ляжет в животе. Он объестся, разомлеет, и я, наконец, усыплю бдительность того, кто имел наглость назвать себя моим единственным хозяином. А когда он захрапит на своей половине кровати, провалившись в сытое, тяжёлое забытье, я соберу сумку.

Я уйду отсюда навсегда. И ни один Алиев — ни муж, ни его грозный отец — меня не остановит!

## 2

— Ну вот видишь, можешь же, когда захочешь, — я смотрю, как капли жира стекают по подбородку моего любимого мужа.

Теперь он удовлетворённо откидывается на спинку стула, рассматривая меня масляным умиротворённым взором, а у меня перед глазами стоит так картина, которую я застала сегодня, и ту тощую воблу, которую он приходовал прямо в нашей супружеской постели.

Это какой же тварью нужно быть, чтобы так поступать с молодой женой?!

Моя рука невольно тянется к шее, на которой остался синяк с кровавым подтёком от его лап, которыми он чуть не задушил меня, и Ибрагим замечает мой жест.

— Вот так... И зачем тебе вообще учиться в институте? Наши матери и бабки никогда даже в школу не ходили. Всё, что тебе нужно уметь, это слушаться своего мужа и господина, поняла? И удовлетворять любые мои желания. Сегодня мне захотелось худую. Но знаешь, иногда приятно и за что-то мягкое подержаться, — продолжает этот гад, и я вижу, как недвусмысленно топорщится его ширинка.

Всё-таки вспомнил о своей жене и её аппетитных бочках, за которые ему так нравилось когда-то держаться.

Так нравилось, что стоял и выл у меня под окнами...

А теперь я, видите ли, должна удовлетворять любое его желание...

— Всё-таки такой вкусный бешбармак, что ты туда положила? — не удержавшись, зачёрпывает Ибрагим ложкой сытное наваристое блюдо.

— Любовь, милый, — покорно склонив голову перед своим новоиспечённым господином, послушно отвечаю я. — С любовью все блюда вкуснее, правда? — поднимаю я на него взгляд.

— Сейчас и проверим, — хмыкает Ибрагим, уже поглаживая своё причинное место, которое у него, видимо, начинает зудеть от избытка страсти.

Только сейчас у него начнётся зуд совсем в другом месте. Уж я-то знаю!

— Давай, раздевайся, — властно командует он, чего не позволял себе никогда раньше.

Видимо, теперь он почувствовал надо мной свою полную власть: раз я его жена, мне можно спокойно изменять и при этом использовать меня, когда пожелает.

— Прямо здесь, любимый? — скромно лепечу я, делая робкий шаг назад. — При свете? Я думала, тебе противно смотреть на мою фигуру...

— Мужчина не баран, одну и ту же траву жрать не будет. Да даже баранам моего отца нужна разная трава на разных пастбищах, — с довольным видом растолковывает мне Ибрагим свою научную теорию. — Так что давай, раздевайся, хочу свою жену!

— Ну хорошо, любимый, — покорно вздыхаю я и начинаю медленно теревить верхнюю пуговичку на блузке.

Тяну время.

Я думала, подействует намного быстрее!

— Да снимай уже эту сраную блузку! — не выдерживает мой горячий Ибрагим, рычит на меня, стягивая на себе штаны.

Видимо, всё-таки любовь тощей селёдки не насытила его.

Вот баран. На одном лугу он, видите ли не готов пастись! Сейчас я покажу ему луг! Только бы подействовало!

Но распалённый сытным жирным бешбармаком мой кавказский горец не готов останавливаться, и вот уже мой муж, которого всего лишь пару часов я так сильно любила, и, воз-

можно, до сих пор люблю, уже прижимает меня к кухонной стенке, с диким рыком срывая с меня блузку.

Чувствую его горячее дыхание на своей шее, когда он уже задирает мою юбку, и его руки смело впиваются в моё такое податливое и вкусное тело, которое он когда-то так любил и желал...

Тело, которое сейчас готово снова предать меня, потому что любовь не проходит за пять секунд...

Даже если тебе больно, даже если тебя предали и унизили...

Особенно, если тебе больно...

Но вот Ибрагим резко от меня отстраняется, словно баранья ножка у него в желудке вдруг запросилась обратно. На его лице написаны смятение и недоумение, он застывает, но только для того, чтобы издать грубый непотребный звук...

А вот теперь его тело предаёт его!

Он весь краснеет и срывается с места галопом, чтобы на этот раз оседлать своего резкого белоснежного скакуна. Фаянсового друга. И из его задницы несутся трубные призывные звуки.

Ну вот, когда предаёт тело, на помощь приходит секретный ингредиент от верной жены.

И это отнюдь не любовь, милый. А смертоносная доза пургена, которую я заботливо подмешала в его любимое блюдо.

По моим подсчётам Ибрагим теперь вынужден провести в туалете как минимум час. За час меня уже и след простынет.

Я всё продумала.

Никакого прощения и покорности для мужа-обманщика! Хоть мене и девятнадцать, я не какая-то там дурочка, готовая терпеть это всё!

Для пущей уверенности подхожу к запертой двери, прислоняюсь к ней ухом и ласково мурлычу:

— Ибрагимушка, как там у тебя дела? С тобой всё в порядке, любимый? Ты точно уверен, что тебе не нужно к врачу? А то давай я нашему семейному доктору позвоню, пусть приедет! А вдруг та девка была заразной? Ты уверен, что у неё нет холеры? Я в новостях недавно читала, что сейчас как раз эпидемия... — причитаю я под дверью, пока оттуда несутся стоны моего неверного мужа.

Судя по звукам, у меня есть ещё как минимум полчаса. Да и то, вряд ли после этого у него будут силы нестись вслед за мной, теряя на ходу свои штаны.

Дала любимому просрать, короче... На всю жизнь запомнит, надеюсь...

И вдруг ловлю себя на мысли, что теперь люблю его чуточку меньше. Или даже не чуточку. Представляю его, согнувшегося в три погибели на нашем итальянском унитазе, и из-за двери мне несётся:

— Отстань! На хрен доктора! Оставь меня в покое. Не стой под дверью!

Ну да, ну да, хочет сохранить остатки достоинства, кавказский мажор.

Только этот горный баран не понимает, что своё достоинство он потерял несколько часов назад, когда приходовал свою шаболду в нашем доме!

И я с лёгкой душой подхватываю свою сумку и выхожу из квартиры.

### 3

Оглядываюсь в поисках своего такси и с удовлетворением отмечаю, что мне подали авто класса «Премиум» — как приятно. Огромный внедорожник с тонированными стёклами приветливо помаргивает мне на парковке, и я с лёгким сердцем открываю дверцу.

Кидаю прощальный взгляд на наш роскошный дом бизнес-класса, в недрах которого сейчас сидит мой драгоценный муженёк и гадит в свой любимый итальянский унитаз. Пусть прорётся, будет ему наука, — злорадно думаю про себя и без сожаления усаживаюсь на заднее сиденье.

— На улицу Сталеваров, — ещё раз напоминаю водителю свой адрес, и тут ночь накрывает меня...

Я не сразу соображаю, что же со мной произошло, пока сильные руки крепко держат меня, а ладонь плотно накрывает мои губы, рот, так, что я не могу и пикнуть.

На меня натянули какой-то мешок! Вот почему я ничего не вижу, и только могу чувствовать бешеную скорость, с которой этот джип увозит меня прочь.

Меня похитили? Но кто мог это сделать?!

Мысли бьются в моей голове, как мотыльки в закупоренной банке, пока меня потрясывает и качает на ухабах.

Какие-то конкуренты моего мужа? Его отца? Что они со мной сделают?!

Я уже готовлюсь к самому страшному. А самое обидное, что я всю их семейку в гробу видала!

Вот и увижу их, видимо, всех только в гробу...

Мне кажется, проходит целая вечность, прежде чем джип замедляет ход и наконец-то останавливается.

Слышу, как дверца открывается и снова захлопывается, чьи-то руки наконец-то освобождают меня, и в сумраке салона я вижу его.

Своего свёкра.

Сулеймана Алиева.

— Ну что же, здравствуй, — с усмешкой окидывает он меня взглядом знатока, откидываясь на мягкое кожаное сиденье. — Далеко собралась, Ляля? — и я отмечаю про себя, как же его сын похож на своего отца.

Только отец намного крупнее. Сильнее. Его мускулистое тело буквально заполняет собой весь салон, не давая дышать, словно из него выкачали весь воздух.

И теперь здесь пахнет горами, морозными утренними лугами и мокрой овчиной вперемишку с дорогим коньяком.

Я его видала только на нашей свадьбе, и то, издалека. Я знаю, что он был против нашего брака. Отлично, значит сейчас только обрадуется нашему разводу с его сыночком!

Может оставить его себе! Мне не жалко.

— Я ухожу от вашего сына, — угрюмо бросаю ему в лицо.

— Вот как? — удивлённо и спокойно приподнимает он одну бровь, чуть подаваясь вперёд, и я буквально чувствую мощь его тела, которую не может скрыть даже дорогой итальянский костюм.

Словно на слона надели лошадиное седло! Да ему впору черкеска с папай и ножны с кинжалом на поясе.

Хотя, не удивлюсь, что у себя дома, в поместье, он именно так и разгуливает...

— Да, мы разводимся, — сосредоточенно киваю я. — Разве Ибрагим ничего вам не сказал? — и я представляю себе своего горного орла, восседающего на унитаде с мобильным и печатающего своему папочке сообщение: «Плохая Ляля от меня уходит...»

Стараюсь успокоить дыхание. Сейчас мы поговорим, и он меня отпустит. Небольшое недоразумение. Всего-то делов.

— Ты много не понимаешь. Тебе так мало лет, — ещё ближе наклоняется ко мне мой свёкр, и меня буквально обдаёт жаром его тела, который перекидывается на меня, и я чувствую, как по моей коже пробегают огненные мурашки, а внизу живота образуется холодная гулкая пустота...

Такое было со мной только раз в жизни... И это было... Ой... Когда я встретила Ибрагима!

Видимо, вся эта семейка так действует на меня.

Есть только один выход: сбежать от них поскорее.

— Достаточно, чтобы выйти замуж и потом развестись, — с чувством собственного достоинства заявляю я, хотя меня всю колотит от страха...

И странного возбуждения.

— Ну так вот. С Алиевыми не разводятся, — расплываются вдруг чуть полные губы в хищной усмешке, и я вижу бешеный блеск его глаз в темноте.

— Это как же? — сглатываю сухой комок, как кусок кошачьей шерсти, застрявший в горле.

— А вот так. Покинуть нашу семью можно только одним способом, — низким хриплым голосом произносит мой свёкр, и теперь мне кажется, он заполнил собой всё пространство этого джипа и сейчас раздавит меня, навалившись...

И тут вспоминаю.

Он же вдовец. Его жена, моя свекровь, умерла!

Или это он убил её?!

Я не хочу это знать!

— И что же тогда? — голос не слушается меня, и я чувствую, как предательские слёзы наворачиваются на глаза.

Сейчас раскисну и начну умолять его о пощаде, лишь бы он не убивал меня! Хотя уж лучше сдохнуть, чем терпеть выходки его недоразвитого сыночка.

Видимо, яблоко от яблони...

— А это значит, что ты останешься в семье. Но для начала тебя надо немного воспитать, — с удовлетворённым видом наконец-то проваливается в мягкое сиденье мой свёкр, и я вдруг замечаю, какие у него длинные ноги, мощный торс, хищный орлиный нос... — Это значит, что ты отправишься со мной. В мою семью. Как это было издревле принято у нас. Пока не станешь послушной женой Алиева, — поучает этот мужчина меня, и гнев закипает во мне, как в чайнике.

— Я не позволю вам так обращаться со мной! Я современная свободная женщина в свободной стране! Не ваша собственность! Я ухожу, — с остервенением дёргаю я ручку двери, но она не поддаётся.

— Это ты расскажешь моими баранам. На горе, — ухмыляется мой свёкр, подавая знак водителю, который тут же трогается с места.

Увозя меня прочь из города. Куда-то в горы. К баранам.

На перевоспитание, мать вашу, и я с ненавистью сверлю взглядом своего свёкра, который лишь легко усмехается мне в ответ.

Пусть усмехается. Ещё не знает, на что способна его невестка.

Жена Алиева.

Даже его бараны меня не удержат надолго. При первой же возможности я сбегу, а пока просто попытаюсь подыграть ему.

## 4

Я представляла себе дворец. Честное слово — пока внедорожник, урча мощным двигателем, карабкался по серпантину всё выше и выше, продираясь сквозь предрассветный туман, я рисовала в голове мраморные колоннады, фонтаны во внутреннем дворе и, может быть, даже бассейн с подогревом. Ну не может же человек, владеющий виноградниками на половину региона и табунами элитных скакунов, жить в сарае.

Оказывается, может.

Джип замирает на вершине горы, и когда Сулейман распахивает передо мной дверцу, я застываю с открытым ртом. Передо мной возвышается дом — огромный, сложенный из дикого серого камня, вросший в скалу так, словно он вырос из неё столетия назад. Никакого дизайнерского ремонта. Никаких панорамных окон от пола до потолка. Только суровая, первобытная мощь — деревянные балки под самой крышей, кованые ставни и крыльцо из цельных дубовых плах, отполированных до блеска сотнями ног, ходивших по ним задолго до моего рождения.

— Что, не такого ты ожидала? — усмехается Сулейман, и в его голосе мне слышится не насмешка, а странное, глухое удовлетворение. — Думала, Алиевы купаются в золоте? Золото — оно снаружи, для чужих глаз. А сила семьи куётся вот здесь, — он обводит рукой каменные стены, горные пики за нашей спиной и бездонное, усыпанное колючими звёздами небо. — В месте, где нет ничего лишнего. Как и в тебе не должно быть ничего лишнего.

Я вздрагиваю от его последних слов, и он это замечает. Его чёрные, как антрацит, глаза скользят по моему лицу, задерживаясь на припухших от слёз губах, и между нами повисает напряжение такой плотности, что, кажется, его можно резать ножом. Воздух здесь разреженный, горный, он пьянит и без вина, и моё сердце колотится где-то у самого горла.

Сулейман первым поднимается на крыльцо, и я, помедлив лишь секунду, иду за ним. А что мне остаётся? Бежать? Куда? Внизу — только пропасти, овцы и колючий кустарник. Я в ловушке. В каменном мешке на вершине мира.

Внутри дом оказывается ещё суровее, чем снаружи. Никаких тебе иранских ковров и бархатных портьер, к которым я привыкла в нашей с Ибрагимом городской квартире. Голые каменные стены, огромный очаг, занимающий половину гостиной, грубо сколоченный деревянный стол и лавки, накрытые овечьими шкурами. Пахнет дымом, сухими травами и чем-то ещё — терпким, мужским, запахом хозяина этого дома, который, кажется, вьёлся в каждую балку, в каждый камень.

— Ты жена моего сына, — голос Сулеймана раздаётся прямо над моим ухом, и я вздрагиваю, обнаружив, что он подошёл ко мне со спины. Я чувствую жар его большого тела, хотя он не прикасается ко мне. Пока не прикасается. — И ты должна научиться подчиняться. Если он не сумел научить тебя, Ляля, то это сделаю я. Алиевым нужен наследник.

Он наклоняется ближе, и меня обдаёт странным жаром. Его дыхание касается моего виска, и по моей спине, от самого копчика до шеи, прокатывается волна мурашек. Я замираю, не в силах ни отстраниться, ни ответить — только чувствую, как холодная гулкая пустота внизу живота сменяется чем-то иным. Горячим. Тягучим. Запретным.

— А теперь, — внезапно меняет тон Сулейман, отступая на шаг и усаживаясь на массивную деревянную скамью у входа, — снимай с меня ботинки.

— Что?! — я, кажется, ослышалась. Стою и хлопаю глазами, как кукла, пока мой свёкр вытягивает свои длинные ноги в дорогих кожаных ботинках, покрытых серой дорожной пылью.

— Дом начинается с порога, Ляля. Или ты думала, что быть женой Алиева — это только кружевное бельё и походы по ресторанам? Я потратил кучу времени, бегая за тобой, делая за сына его работу. Так что давай, покажи, на что ты годишься. Снимай. С меня. Ботинки.

— Да ваш сын! — слова вырываются из меня прежде, чем я успеваю их остановить, — он мне изменил!

Сулейман не двигается. Только смотрит на меня снизу вверх, и в его взгляде я не вижу ни сочувствия, ни удивления. Ничего.

— Это не он изменил тебе, девочка, — его голос становится тише, но от этого только опаснее. — Это ты не смогла его удержать. Вот и будем учить тебя.

— Учить чему?! — я почти кричу, чувствуя, как к глазам подступают злые, унижительные слёзы.

— Учить ухаживать за горячим жеребцом. Особенно, если он чересчур горячий. Удерживать его с в стойле, — рычит он, и в этом рыке прорезается что-то животное, первобытное, от чего у меня подкашиваются колени. — Снимай обувь! Быстро!

Я не понимаю, что со мной происходит. Мои ноги сами подгибаются, и я опускаюсь перед ним на колени. Прямо на холодный каменный пол. Я, Ляля, которая ещё вчера клялась себе, что ни один мужчина больше не заставит меня унижаться, сейчас стою на коленях перед отцом своего мужа и тянусь дрожащими пальцами к его ботинку.

И самое страшное — я не чувствую унижения.

Я чувствую возбуждение. Дикое, тёмное, неконтролируемое возбуждение от того, что я здесь, у его ног. От того, что этот огромный, опасный мужчина смотрит на меня сверху вниз, и его дыхание вдруг становится таким же неровным, как моё.

Я берусь за его пятку, обхватывая дорожную кожу ботинка, и тяну. Ботинок сидит плотно, пошитый явно на заказ, и мне приходится приложить усилие. Мои пальцы скользят по его щиколотке, и я чувствую, какие у него твёрдые, словно вырезанные из камня, мышцы. Сулейман чуть приподнимает ногу, помогая мне, но при этом издаёт какой-то странный звук — то ли вздох, то ли сдавленный рык.

Я тяну второй ботинок, и мои ладони теперь обхватывают его стопу поверх тонкого шерстяного носка. От него пахнет кожей, коньяком и горным ветром. Мои пальцы едва заметно дрожат, и я вижу, как напрягаются его бёдра под дорогой тканью брюк.

— Дальше, — хрипло командует он, и его голос теперь звучит совсем не так властно, как минуту назад. В нём появляется что-то ещё. Голодное. Сдерживаемое с трудом.

Я стягиваю носок с его левой ноги, и мои пальцы нечаянно касаются его горячей, сухой стопы. От этого прикосновения меня простреливает током — снизу вверх, до самой макушки. Я поднимаю на него глаза, и наши взгляды встречаются.

В его чёрных глазах полыхает такой пожар, что мне на мгновение становится страшно. Но этот страх — сладкий, как густой горный мёд, и я не могу отвести взгляд. Он смотрит на меня, стоящую перед ним на коленях с его носком в руках, и в этом взгляде нет ничего отеческого. Совсем ничего.

И на какую-то долю секунды мне вдруг кажется, что он набросится на меня, как снежный барс на Тамару. Или на Мцыри. Кто там на кого набрасывался: мысли спутались в сплошной клок овечьей шерсти в моей голове.

— Иди спать, — вдруг резко приказывает Сулейман, и я вздрагиваю от того, как внезапно меняется его тон. — Наверх, в свою комнату. Вставать через уже через три часа. В горах никто не спит до обеда. У нас слишком много дел.

Он поднимается на ноги так резко, что я едва успеваю отшатнуться. Его босые ступни с глухим звуком ступают по каменному полу, и он уходит вглубь дома, не оборачиваясь. А я остаюсь на коленях, сжимая в кулаке его шерстяной носок, и чувствую, как бешено колотится моё сердце.

Три часа сна. Потом — неизвестность. И этот дом. Этот мужчина. Этот запретный, обжигающий жар, который он во мне разжёл, даже не прикоснувшись ко мне.

Я поднимаюсь по скрипучей деревянной лестнице в отведённую мне каморку, падаю на жёсткую кровать, застеленную грубым льняным бельём, и закрываю глаза. Но перед моими глазами — только он.

Его глаза. Его голос. Его босые ноги, которые я только что держала в своих ладонях.

И я понимаю, что он разбудил во мне тёмную часть меня. Но я не позволю вырваться ей наружу.

У меня есть план. И я буду чётко ему следовать.

## 5

Мне кажется, я только что закрыла глаза. Буквально секунду назад моя голова коснулась жёсткой подушки, набитой овечьей шерстью, а веки, налитые свинцовой усталостью, сомкнулись, погружая меня в блаженное забытьё без сновидений. И вот уже чей-то голос, низкий и вибрирующий, как горный обвал, врывается в мой сон, безжалостно выдёргивая меня обратно в реальность.

— Вставай, невестка! Пора работать, Ляля!

Я распахиваю глаза и вижу перед собой Сулеймана. Он стоит в дверном проёме моей каморки, уже полностью одетый, свежий и собранный, словно и не ложился вовсе. За его широкими плечами в маленьком окошке только-только начинает сереть предрассветное небо, и я с ужасом понимаю, что на часах, должно быть, около четырёх утра.

— Вы серьёзно? — хриплю я, пытаюсь приподняться на локтях. Каждая мышца в моём теле ноет после вчерашнего путешествия и сна на доисторическом матрасе. — Ещё даже петухи не проснулись!

— Петухи, может, и не проснулись, — усмехается мой свёкр, скрещивая руки на груди, — а вот бараны моего соседа уже трижды прокричали. В горах встают до рассвета, девочка. Давай, у тебя пять минут. И надень вот это, — он швыряет на кровать какой-то свёрток и выходит, прикрыв за собой дверь.

Я тру глаза, пытаюсь сфокусировать зрение на том, что он мне принёс. Разворачиваю плотную ткань: на кровати лежит традиционное кавказское платье — длинное, в пол, из плотного тёмно-бордового бархата с золотой вышивкой по вороту и подолу. Мелкие, похожие на рассыпанное просо, бусины складываются в затейливый узор вдоль рукавов, а на груди ткань собрана в мелкие складки, которые, я уже предчувствую, подчеркнут мои формы самым коварным образом. К платью прилагается широкий пояс, украшенный серебряными монетками и подвесками, и я сглатываю, представляя, как они будут мелодично позвякивать при каждом моём шаге.

Это не просто одежда. Это униформа. Униформа женщины из рода Алиевых.

Да он что, совсем слурел?! Я решаю, что плевать, надену свои джинсы и толстовку, и уже шарю руками в поисках своих шмоток, но не могу их найти.

Он забрал мою одежду.

Приходил сюда ночью и унёс её... И ещё: чувство, что он был здесь пока я спала, странным образом щекочет меня изнутри, как лёгкое куриное пёрышко...

Делать нечего: с тяжёлым вздохом натягиваю платье через голову, и бархат ложится на моё тело так, словно его шили специально для меня. Пояс обхватывает талию, делая её неожиданно тонкой, а грудь и бёдра от этого становятся ещё более выраженными, полными, выпирающими, ещё более... аппетитными и вызывающими. Я смотрю на себя в мутное зеркальце над умывальником и не узнаю: на меня глядит оттуда какая-то незнакомка с растрёпанными светлыми волосами и лихорадочным румянцем на щеках. Кавказская невестка.

Послушная. Покорная. План по усыплению бдительности свёкра начинает действовать прямо сейчас, и первый его пункт — стать такой женой для его придурка-сыночка, какую он хочет видеть.

А потом — побег.

Спускаясь по скрипучей лестнице, я слышу, как монетки на поясе тихонько позванивают в такт моим шагам, и чувствую себя так, словно на мне надет колокольчик, оповещающий хозя-

ина о приближении его собственности. Сулейман уже сидит за массивным дубовым столом, и когда я появляюсь в дверном проёме кухни, его глаза вспыхивают чем-то тёмным и опасным. Он медленно, очень медленно окидывает меня взглядом — от вышитого ворота, облегающего шею, до бархатного подола, под которым едва виднеются мои босые ступни, и я чувствую, как под этим взглядом моя кожа начинает гореть.

— Так-то лучше, — произносит он наконец, и его голос звучит ниже обычного. — Теперь ты похожа на жену, а не на... — он делает паузу, подбирая слово, — туристку.

Я прикусываю язык, чтобы не схамить в ответ, и вместо этого оглядываю кухню в поисках завтрака. Стол пуст. Никаких тарелок с дымящейся яичницей, никаких блюдец с горным мёдом и каким-нибудь свежим овечьим сыром, которые я втайне надеялась увидеть.

— А где еда? — вырывается у меня, и мой желудок предательски урчит, подтверждая вопрос.

Сулейман откидывается на спинку стула и расплывается в такой довольной ухмылке, что у меня чешутся ладони — то ли от желания вlepить ему пощёчину, то ли от чего-то совсем иного.

— Завтрак сам не приготовится, Ляля, — говорит он тоном мудрого горного старца, который только что открыл мне великую истину бытия.

— Хорошо, — я беру себя в руки и включаю свою лучшую версию примерной хозяйки. Притворяться так притворяться. — Скажите, где у вас раковина, где холодильник и где плита, и я всё сделаю.

Чуть ли не делаю реверанс, чтобы ему угодить.

В ответ раздаётся звук, которого я никак не ожидаю. Сулейман Алиев, грозный владелец виноградников и табунов, отец моего неверного мужа и самый пугающий мужчина из всех, кого я встречала, вдруг запрокидывает голову и начинает хохотать. Да так, что каменные стены вибрируют, а где-то наверху испуганно блеет овца.

Ржёт, как взбесившийся жеребец. Точнее, табун жеребцов.

— Раковина?! — он вытирает выступившую от смеха слезу, и я вижу в его чёрных глазах настоящие искорки веселья. — Холодильник?! Плита?! — каждое слово он произносит так, словно это самая смешная шутка, которую он слышал за последние десять лет. — Девочка моя, вода у нас — в колодце во дворе. Плита — вот эта печь, которую тебе ещё предстоит растопить. А вместо холодильника — погреб под домом. Так что давай, покажи, чему тебя учили в твоём городском институте. Постарайся.

Он снова усмехается, и в этот момент я ненавижу его так сильно, что у меня темнеет в глазах. Но вместе с этой ненавистью где-то глубоко внутри снова просыпается то самое, тёмное и тягучее чувство, которое я испытала вчера, стоя перед ним на коленях.

Я выхожу во двор с ведром в руке, и утренний горный холод мгновенно пробирает меня до костей, заставляя соски затвердеть под бархатом платья. Колодец оказывается настоящим произведением средневекового искусства — с тяжёлым деревянным воротом, ржавой цепью и ведром, которое весит, кажется, не меньше, чем я сама. Я кручу этот проклятый ворот, чувствуя, как на ладонях, кажется, вздуваются волдыри, и думаю о том, что в городе сейчас, наверное, все нормальные люди спят в тёплых постелях. А я тут, в горах, добываю воду, как крепостная крестьянка.

Точнее, как кавказская пленница...

С горем пополам, расплескав половину по дороге, я возвращаюсь на кухню и застываю перед печью. Это монстр, сложенный из почерневшего от времени камня, с зияющим чёрным

зевом и грудой золы внутри. Я никогда в жизни не разжигала печь. Никогда. Максимум, что я делала в городе — нажимала кнопку на электроплите.

— Помочь? — раздаётся за моей спиной голос Сулеймана, и я чувствую его присутствие каждой клеточкой своего тела. Он подходит так близко, что я ощущаю жар его тела сквозь плотный бархат платья. — Смотри, — его большая, загрубевшая ладонь накрывает мою руку, в которой я сжимаю пучок сухой растопки, и направляет её вглубь печи. — Сначала тонкие щепки. Потом вот эту кору — она хорошо горит. И только потом дрова. Дай огню воздух, не задуши его сразу, — его дыхание касается моего уха, и меня пробирает такая дрожь, что я едва не рассыпаю спички.

Его пальцы переплетаются с моими, и мы вместе поджигаем растопку. Маленький огонёк сначала робко лижет сухие щепки, а потом вдруг вспыхивает с жадным, голодным треском, и пламя отражается в глазах моего свёкра, делая их похожими на два раскалённых угля.

— Вот так, — шепчет он, и я не знаю, говорит ли он об огне или о чём-то совсем ином. — Теперь он будет гореть.

Мы завтракаем тем, что я сумела соорудить из найденных в погребе яиц, сыра, зелени и чего-то похожего на домашнюю колбасу. Яичница слегка подгорела по краям, лепёшка, которую я попыталась испечь на чугунной сковородке, вышла кривой и с комочками муки, но Сулейман ест молча, и только иногда я ловлю на себе его странный, изучающий взгляд. В этом национальном платье, раскрасневшаяся от возни у печи, с выбившимися из косы прядями, я чувствую себя странно — не неловко, а скорее непривычно. В этой одежде мои движения становятся другими. Плавными. Женственными. Пояс с монетками позвякивает, когда я тянусь через стол, и его взгляд каждый раз падает на мою грудь, которая под собранным в складки бархатом кажется ещё пышнее, чем обычно.

— Ну всё, — произносит он наконец, отодвигая тарелку, и в его голосе мне слышится какая-то досада, словно он сердится сам на себя. — А теперь пойдём работать по-настоящему.

Работать?! А что это было только что, если не работа?! Так, просто лёгкое развлечение, деревенское СПА для избалованной девицы?

Он ведёт меня через двор к длинной каменной пристройке, откуда доносится блеяние овец и острый, терпкий запах овчины. У входа он останавливается и оборачивается ко мне:

— У моего лучшего барана заноза в копыте. Ему нужно помочь. Ты ведь будущая хозяйка дома, Ляля. Пора знакомиться с хозяйством.

И тут из стойла раздаётся такой низкий, утробный звук, похожий на гудок парохода, что я невольно делаю шаг назад. Прямо в твёрдую, как скала, грудь моего свёкра.

Его руки ложатся на мои плечи, удерживая меня на месте. Я чувствую жар его ладоней сквозь ткань платья, и все мысли о баранах, занозах и копытах разом вылетают у меня из головы. Остаётся только это прикосновение и его голос, низкий и хриплый, прямо над моим ухом:

— Не бойся. Я научу тебя всему, что должна уметь женщина в этом доме, — и я чувствую спиной жар его тела.

Его твёрдость... Власть...

И я не знаю, что именно он имеет в виду, но внизу моего живота уже разгорается тот самый огонь, который он помог мне разжечь сегодня утром в печи. И этот огонь, кажется, потушить будет гораздо сложнее.

## 6

*Сулейман*

*За день до этого*

— Сулейман Ибрагимович, итальянцы на проводе, — в кабинет входит мой ассистент, Антон.

Коротко киваю и включаю видеоконференцию. По ту сторону экрана — Луиджи, мой давний знакомый.

Кстати, это он мне порекомендовал своего отличного портного и обувщика, которые одевали и обували ещё Берлускони.

— Как дела, каро? — расплывается его лицо в приветливой улыбке.

Которая меня, кстати, совсем не обманывает. Знаю, что этому хитрому лису от меня надо. Ну что же, пора принимать решение. Мне уже пятый десяток.

Я посадил дерево. Да что там дерево — леса. Построил дом, и не один. Целые аулы, посёлки. И только сын у меня один. Единственный. От моей Лейлы, которую я никогда не забуду.

Едва морщусь от воспоминания о моей потерянной далёкой любви, которая покинула меня навсегда двадцать лет назад, беру себя сразу же в руки и улыбаюсь своему приятелю.

— Всё хорошо, дорогой, всё хорошо. Спасибо, — киваю в ответ.

— Ну что, Сулейман, ты принял решение? — пытается вытащить он из меня согласие.

— Да, почти. Нужно ещё обсудить пару моментов, — пора с этим наконец-то поканчивать.

Я уже давно понял, что мой сын слишком далеко откатился от своего дерева, от своих корней. Его никогда не интересовали дела семьи, наши виноградники, пастбища, фермы. Одна надежда на внуков, но я даже не знаю, когда они появятся. Судя по Ибрагиму, он как-то не спешит обзаводиться потомством.

Ветер в голове. Городская жизнь, клубы, рестораны, городской бизнес слишком развратили его, и я бы приковал его цепями к родной земле.

Если бы мог.

Но это всё невозможно, и я понимаю это.

— Давно пора, каро, — начинает снова уговаривать меня Луиджи. — Тебе пора на покой, на полученные от нас деньги ты сможешь закупить себе дворцов по всей Италии! Отдохни! Ты так работал всю свою жизнь, пришла пора наконец наслаждаться ею! У нас такие девочки, просто ум отъешь, — закатывает он глаза к потолку и целует кончики пальцев.

Знаю я этого бабника.

Только мне не нужны никакие девочки. Моя любовь осталась лежать под тяжёлым валуном с моей Лейлой, моей единственной на всю жизнь. И только воспоминания о ней, о том, что она всё ещё лежит в этой земле, земле моего отца и деда, не дают мне всё бросить.

Хотя Луиджи наверняка прав. Вон Ахмед давно уже живёт в Ницце и в ус не дует. Продав свои виноградники и всё хозяйство каким-то инвесторам из Арабских Эмиратов и теперь катается на своей яхте вдоль Лазурного побережья.

И Султан тоже, мой старый приятель, уже давно живёт где-то на Сардинии... Один я остался на земле, вцепился в неё своими корнями, словно она меня держит.

Корни.

Пока у меня есть единственный сын, у меня есть корни, и я уже собираюсь продолжить обсуждение цены, как вдруг мой телефон моргает сообщением от Ибрагима: *«Отец, Ляля хочет со мной развестись»*.

— Дорогой, я тебе перезвоню, — прерываю я разговор.

Ничего, Луиджи ждал несколько лет, подождёт ещё пару дней, ничего с ним не случится.

Смотрю на экран мобильного. В наше время мы и подумать не могли разводиться. Выбери себе жену и мать для своих детей на всю жизнь. Я был против брака с этой русской. Это не наша кровь. Даже на свадьбу заглянул всего на одну минутку.

Так был зол, боялся, что сорвусь. Но я сам виноват: избаловал своего сына. Он всегда мне напоминал Лейлу, и каждый раз, когда нормальный отец отходил бы своего сына хорошенько хлыстом, я вспоминал её лицо, черты которого так и остались жить вечно в лице моего сына. Моего единственного наследника.

Может быть ему и стоит развестись? Вон, Алана, такая хорошая девочка, с детства была влюблена в него, может быть, привяжет его к земле наших предков. Хотя, о чём я говорю! За двадцать пять лет Ибрагим не привязался, так что ему поможет сейчас?

Ладно, поеду разберусь с этим вопросом, — вдруг всплывает в голове неожиданное решение. Пусть эта русская уйдёт, так будет лучше. Только пусть ни на что не рассчитывает. Надо, чтобы она подписала несколько соглашений и просто исчезла. Наше имя слишком известно, чтобы его полоскали в грязи.

Открываю дверцу своего джипа и усаживаюсь на сидение. Глаза не сразу привыкают к сумраку салона.

И тут вижу эти глянцевые вишнёвые губки, глаза цвета горного чистого ручья, размётанные по плечам волосы цвета спелой пшеницы... Передо мной сидит испуганная девочка, которая пытается казаться храброй, а я вдыхаю её спелый аромат свежее испечённого хлеба, дома и сладкой горной ягоды.

Её простая одежда не скрывает вкусного женственного тела, мягкого, податливого, такого зовущего... До которого мне вдруг хочется дотронуться руками, смять её в своих пальцах, как пышную лепёшку, отломить кусочек... Попробовать её вкус...

Зарыться лицом, губами, в эти золотые густые волосы, которые бывают только у русских девочек...

Проходят всего доли секунды, которые мне кажутся вечностью, но моё тело вдруг отказывается подчиняться мне.

Я пришёл, чтобы сказать ей, что она может уходить, подписав все договоры, а мы найдём Ибрагиму отличную жену из нашего племени, но вместо этого я слышу, будто кто-то другой произносит за меня чужим голосом:

— Ты поедешь со мной. Я научу тебя быть хорошей женой. С Алиевыми не разводятся. Всё. Назад пути нет.

Я слишком хочу эту девочку, как не хотел никого уже много-много лет в своей жизни... Но я понимаю, что мне её нельзя...

И я пока совсем не знаю, что я буду делать со всем этим...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.